

Вадим Ланда

Миниатюры

* * *

Спит Ксюша, и снится ей сон. Будто катается она по городу на оцинкованном тазике. И так это здорово, так легко! Тазик скользит по тротуарам и дорогам, будто они воском смазаны. А когда перескакивает через ямы и колдобины – страх с восторгом! Так и влетает в трамвайный вагон. В этот момент двери закрываются и защемляют тазик. Пассажиры раздражаются и начинают ругать девушку на чем свет стоит. А ей обидно – слезы на глазах: тазик ведь помялся. «Ну как же вы не понимаете?» – всхлипывает Ксюша и просыпается.

Да-а-а... Ворочается Ксюша с боку на бок, потом закрывает глаза... И видит, что познакомилась с мухой. Подружились они. Ближе той мухи, похоже, и нет никого. Уж она ее кормит, пальцем меж крылышек почесывает, руку подставляет, чтобы та ползала по ней. Вдруг подруга взмывает к лампочке – и уже не узнать ее среди прочих мух. Ксюша тревожно вглядывается в глаза каждой и наконец – о чудо! – различает знакомое мушиное лицо. Поймала беглянку и посадила в спичечный коробок. Муха пожужжала, да и притаилась. А стоило только приоткрыть коробок – в чем же там дело? – сразу и улетела. Горе-то какое! Здесь Ксюша проснулась. Подушка заплаканная, на душе тяжело. Но ничего не попишешь. Погоревала с пяток минут и снова уснула.

И вновь видит... На этот раз старая аджарка диктует ей рецепт лекарства от простатита. «Господи, мне-то оно зачем?» – недоумевает Ксюша. Но делать нечего – сидит, записывает. «Значит так, – говорит аджарка, – берешь луковицу...» Ну и так далее. Как

только диктовка заканчивается – сну конец. Так досадно: в рецепте, кроме луковицы, ничего не запомнила. «Что ж это за ночь такая?» – сетует Ксюша и просыпается окончательно. Смотрит на пробивающийся из-за шторы утренний свет, на убранство комнаты и понимает: никакая она не Ксюша, а по-прежнему Вера Павловна. «Да я этого Чернышевского...» – бурчит она с досадой... и еще раз просыпается.

Ощупывает свою голову: жесткие волосы, борода. Берет с прикроватной тумбочки очки. «Так я же Чернышевский!» – думает Чернышевский. Уже ни в чем не уверенный, встает с постели, умывается и, еще не позавтракав, пишет письмо Добролюбову: «Дорогой Николай Александрович! Прочитал я вашу работу о выражениях и оборотах в народной поэзии. А нынче мне такой сон приснился, что смею заметить: не упомянули вы, однако, некое важное для народа слово «хер»...».

Окончив письмо, решил Николай Гаврилович: завтраку быть. Но едва подошел к столу – обратил внимание на сидевшую на нем муху. Она глазами подавала ему знаки, указывая куда-то в сторону... Николай Гаврилович перекрестился и все ж посмотрел туда, куда муха указывала. На краю стола лежала луковица. «Вот бестия! Надо, однако, к доктору сходить, провериться на всякий случай», – подумал Николай Гаврилович и просну...

«Ну и ночка... Ну и сны... – подумала Ксюша. – А трамваев-то во времена Чернышевского еще не было». Не рискуя больше засыпать, она решительно сунула ноги в домашние тапочки и пошла в ванную. «Вот я кулёма!» – всплеснула руками, вспомнив про стирку. В ванне стоял тазик с замоченным со вчера бельем. На боку тазика неизвестно откуда появилась вмятина...

Оратория Мендельсона

Памяти Р.Д. Побережской

Осенний вечер был похож на флажолет. Чуть прохладный воздух рябил от мелкого дождика. Но если одеться по погоде, город становился уютным и добрым.

В оперном театре давали «Набукко», а в филармонии должны были исполнять ораторию Мендельсона. Я выбрал последнюю.

В углу, сбоку от филармонической кассы, как обычно, стояла в ожидании пожилых соратников Лилия Германовна. Только сегодня на ней был диковинный для современности наряд конца XIX века: платье с турнюром, подчеркивавшее все еще стройную фигуру, кремовые перчатки, меховое боа. Аристократическое лицо в обрамлении высокой прически вызывало благоговение. «Здравствуйте, Лилия Германовна!» – «А-а-а, Вадим?! Здравствуй! Хоть ты со мной поздоровался. Все остальные проходят мимо, будто не замечают...» Я тактично промолчал. Говорить женщине, что ее уже две недели нет в этом мире, как-то нехорошо. «Как тебе мой новый наряд?» – она взглянула по-дружески, но с легким кокетством. «Весьма изысканный. И очень вам идет», – искренне признался я. «Давно мечтала о таком. А вчера открываю шкаф – представляешь, платье и боа висят на вешалке! Даже не припомню, когда я их пошила у портнихи...» – «Ну, в определенном возрасте можно позволить себе не помнить о таких мелочах», – я постарался сгладить неловкость момента. «Возможно, ты прав. Зато зрение у меня резко улучшилось за последние две недели. Помнишь, раньше я едва различала контуры предметов? А теперь отчетливо вижу детали... Кстати, на позавчерашнем концерте я тебя не заметила, несмотря на хорошее зрение», – сыронизировала собеседница. «Меня действительно не было. Прошляпил программу». – «Очень жаль. Австрийский пианист играл великолепно. Да и оркестр был в ударе... Ты мне звони, спрашивай. Обычно я, ты же знаешь, сама обзваниваю своих, но в последнее время никто почему-то не берет трубку». Я снова промолчал. «Скажи, моих правнучек иногда встречаешь?» – «Нечасто, но бывает». – «У меня просьба. Я их учу, чтобы держали спину ровно, но периодически они забывают, сутулятся. Напомни им, пожалуйста, когда встретишь, чтобы следили за осанкой. Ты врач, можешь, они тебя скорее послушают». – «Конечно, напомню».

В течение всего концерта царственный женский силуэт возвышался над ближним к проходу законным креслом в третьем ряду. Вот только цветов, как обычно, Лилия Германовна солистам

и дирижеру после выступления не преподнесла. Видимо, с уходом что-то все же меняется.

По окончании концерта публика покидала зал. Я тоже продвигался к выходу. Но что-то екнуло в сердце, и я, преодолевая людской поток, стал протискиваться обратно. Лилия Германовна продолжала неподвижно сидеть на прежнем месте, ничего, похоже, не замечая. Я подошел к ней: «Обязательно всегда буду здороваться с вами. Слышите?». Она посмотрела сквозь меня. Внезапно я почувствовал себя целым городом, хотя знал, что город там, снаружи. На улицах разгулялся ветер. Он подхватывал опадающие листья – и носил их, и кружил. Казалось, они никогда не достигнут земли. Но это только казалось.

(Как было не прогуляться, если до филармонии всего двадцать минут хода, а в ней планировалось исполнение оратории Мендельсона?)

* * *

Варя проснулась в перепуге: проспала школу! Однако быстро припомнила: сегодня же суббота! – и радостно заулыбалась. Следующее мгновение было еще прекраснее. Из кухни в комнату проник запах фруктового варева. Ах! Это же мама варит айвовое варенье! Варины ноздри зашевелились, словно у гончей, берущей след. Как Варя любила варенье, особенно свежее! Мама запрещала его есть. «Это на зиму», – говорила она с такой интонацией, будто зачитывала приговор. Когда уже эта зима?..

Каждый раз, когда мамы не было дома, а Варя выходила на кухню, взгляд ее падал на тумбу, где хранилось заветное лакомство. Однажды девочка не выдержала. Она быстро отворила дверцу, схватила банку и стала лихорадочно наворачивать содержимое столовой ложкой. Скорее, пока мама не вернулась! Настал момент, когда варенье уже не лезло. Следы преступления нужно было скрыть. Варя переместила банки так, чтобы не было пустот. Недоеденное варенье было выкинуто в мусоропровод, пустая тара вымыта и поставлена к остальной.

Впоследствии закононепослушница еще несколько раз проделывала то же. Однажды в зимнее воскресенье, когда мама наконец открыла тумбу, чтобы поставить варенье на стол, Варя чуть не умерла со страха: вдруг заметит недостачу?! Нет, не заметила... Пронесло...

Восьмилетний Сашка проснулся утром выходного дня и сразу почувствовал аромат... Он вышел на кухню. Бабушка Варя стояла у плиты и мешала содержимое медного таза деревянной ложкой. Сашка произнес, ласково глядя ей в глаза: «Ой, Ба!». «Вот подлиза! Ладно, в виде исключения получишь две чайные ложки на хлеб с маслом». – «Две чайные ложки? Ну Ба-а-а...» – «Никаких! Ты прекрасно знаешь – это на зиму. А пока иди умываться».

Зимой по выходным Варвара Андреевна ставила варенье на стол к вечернему чаю. А как же, выходной должен быть особенным!

Варвары Андреевны не стало. Даже если бы это произошло не скоропостижно, разве близкие люди могут быть совершенно готовыми к такому? Две недели прошло. В числе прочего надо было бы заняться переоформлением квартиры. Да хотя бы вещи пересмотреть: что раздарить по обычаю, что выкинуть, что оставить на память. Но дочь, Таня, все не решалась – тяжело. А в одну из ночей снится ей чудной сон. Будто мама берет ее за руку и говорит: «Пора». Подводит к платяному шкафу, открывает его никелированным ключом и распахивает неестественно большие дверцы. Таня ахает: все полки заставлены банками с остатками варенья, многие из которых заплесневели. «Что это, мама?!» – в ужасе спрашивает Таня. Варвара Андреевна улыбается.

Утром Таня рассказала сон мужу. Они вместе открыли мамин платяной шкаф и... стали перебирать вещи.

Иногда Таня варила варенье. Долго оно не хранилось – домашние съедали его очень быстро. Еще бы! Айва с добавлением цедры и грецких орехов – фамильный рецепт. Однажды Сашка, вспомнив один из бабушкиных рассказов, из любопытства решил

съесть не розеточку варенья, как позволялось, а полбанки зараз. Но после четырех ложек отодвинул лакомство и пожал плечами.

* * *

То ли город, то ли пригород – непонятно. Как Василек попал сюда – тоже загадка. Поехал искать адрес по объявлению о продаже бэушного велосипеда, немного заблудился – и вот вышел к этому пустырю. На одну его часть вел склон, и по нему скатывались обручи – большие, маленькие, широкие, узкие – и исчезали в высокой траве. Это хорошо было видно с соседнего пригорка. Только откуда они брались в таком количестве, и кто их скидывал? Наверху никого не было видно.

Василек повернул в сторону частного сектора. Дорожки не асфальтированы, ямы да ухабы. Зато по тропинкам между домами бегали дети и палочками катили перед собой обручи. Какая старая игра...

Под забором одного из домов стояла скамейка, на ней сидел дед в куцем пиджачке и смотрел в одну точку. «Простите, – нарушил его покой Василек, – не подскажете, где здесь переулочек Зеленый, семь?» Дед посмотрел на него так, будто увидел пришельца из космоса. «Не подскажу. Поблизости такого нет». Василек не знал, что ему делать. Наверное, придется возвращаться домой несолоно хлебавши. Еще раз извинившись, он отправился в обратный путь – в сторону, откуда пришел. Примерно через полчаса снова вышел к скамейке, где сидел дед. В очередной раз извиняться было как-то нелепо, поэтому спросил сразу, как добраться до ближайшей автобусной остановки. «Никак», – ответил дед. «То есть она отсюда далеко?» – «Нет здесь никаких остановок».

Василек несколько растерялся, но все же решил поговорить. «А вы давно здесь живете?» – «Я здесь не живу. Сижу, жду». – «Чего ждете?» – «Чего... Того!» Беседа явно не вязалась.

Мимо пробежала ватага мальчишек и девчонок, кативших обручи. Дед вглядывался, будто искал среди них кого. «У вашей молодежи, смотрю, принято играть в эту игру», – заметил Василек. Дед недоуменно посмотрел на него: «Играть? Тоже мне игра...» – «А что же тогда?» Ответа не последовало.

Дети снова пробежали мимо них. Василек обратил внимание, что делали они это молча. Никакого гомона, как бывает во время детских игр. Будто сосредоточенно выполняли работу. Один из мальчиков на секунду обернулся. Васильку показалось, что в его облике есть какое-то сходство с дедом. Внучок, что ли? Ребенок остановился и перестал играть с обручем, внезапно потеряв к этому всякий интерес. Но обруч почему-то не упал, а покатился в сторону склона – и чем дальше, тем быстрее. Василек, сам не понимая зачем, почти бегом направился за ним. Обруч выкатился на вершину склона, быстро помчался вниз и исчез в траве. Василек вернулся обратно к скамейке. Деда на ней не было. На его месте сидел похожий на него мальчик и плакал.

Васильку стало не по себе и захотелось уйти как можно быстрее. Он сделал шаг назад и... наткнулся на очередного ребенка, катившего обруч. «Так это же я! – Василек обомлел, вспомнив себя на детских фотографиях. – Это я качу обруч!» Мальчик, споткнувшись, замешкался, и обруч покатился в сторону склона. У Василька все поплыло перед глазами, но ребенок догнал игрушку и палочкой завернул ее обратно. «Слава богу, еще не наигрался...» – Василек, качая головой, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

Автобусная остановка оказалась в трех минутах ходьбы. Всю дорогу назад Василек сидел неподвижно. Он мысленно катил перед собой обруч. Местность была незнакомой. То ли город, то ли пригород...

* * *

«Мы с женой решили расстаться». Эти мои слова висают в воздухе. Мама приподнимает бровь и продолжает доставать из холодильника овощи. Потом патетично произносит на длинном выдохе: «Н-да...». Она начинает чистить картошку, периодически покачивая головой – бессловесное «Боже мой!». Проходит еще полминуты, и она добавляет: «А ребенок?» – «У нас с женой хорошие отношения, ребенок будет то с ней, то со мной». Мама медленно измельчает морковь, зелень – и напряженно молчит. «Ты продолжаешь делать одни и те же ошибки, – говорит папа. –

На старости лет останешься один». Они с мамой переглядываются, и в этом взгляде полное единомыслие. Мама бросает в кипящую воду картошку и занимается приготовлением борщевой за жарки. «Никто из вас о ребенке не думает, оба вы эгоисты», – констатирует папа и выходит из комнаты.

Зажарка готова. Мама перекладывает ее в кастрюлю и начинает шинковать капусту. В тишине ритмичные звуки от ножа, проходящего через капустный кочан и щелкающего о пластиковую доску: «Так, а не иначе! Так, а не иначе!..».

В кухню возвращается папа и обращается к маме: «Тебе чем-то помочь?». «Нарежь пока хлеб». Она добавляет в кастрюлю шинкованную капусту и уменьшает газ под конфоркой. Лицо ее напряжено, эмоции сдерживаются.

Борщ томится на грани кипения – только так капуста будет немного хрустящей. Мама сыпает в кастрюлю измельченную зелень, накрывает крышкой и выключает конфорку. «Можно идти кушать», – возвещает она.

Все рассаживаются за столом на свои законные места. Мама разливает, как всегда, шедевральный борщ по тарелкам: папе, потом себе и в последнюю очередь мне – многолетняя субординация. Едим молча. Папа тоже молчит, и видно, о чем.

Через годы мы с нынешней женой вкушаем прекрасный приготовленный ею борщ. Периодически переглядываемся и радуемся друг другу. За столом с нами сидит мой сын и уплетает борщ так, что хочется перенести трапезу в детсад: пусть плохо едящие дети посмотрят, как это делается. Вскоре с работы за сыном забежит его мама. Мы ей тоже предложим отобедать, авось не откажется. Когда мы с малым будем прощаться до завтра, он, как всегда, попросит взять его на руки и поднять как можно выше.

То, что я рассказал про моих родителей, – вымысел. К моменту, о котором шла речь, их уже не было. Но если бы были – все вышеописанное было бы правдой. Кроме прогнозов. И я сейчас, прямо сейчас кричу им куда-то туда: «Не волнуйтесь, только не волнуйтесь!». Так не хочется, чтобы они волновались.